

АЛЕКС ГОР

КОНТУЖЕННЫЙ

АДАПТАЦИЯ
ИНТЕГРАЦИЯ
СЕМЯ КАИНА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Г67

Серия «БФ-коллекция»

Иллюстрация на обложке *Андрея Клепакова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Гор, Алекс
Г67 Контуженный: Адаптация. Интеграция. Семя Каина / Алекс Гор. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 800 с. — (БФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-189298-2

Евгений Соловьев смог спастись из рабства, сохранил жизнь в безумии восстания, пережил каторгу. Думал, это предел... Ха. Вселенная только начала развлекаться. Кибернетика жрёт его тело и мозг. Тут либо ты принимаешь трансформу, либо тебя списывают в утиль.

Во фронтире нет законов, только стволы и топливо. Там место найдётся каждому, кто готов доказать, что он не падал. Ну а если так случается, и в империи умирает правитель, то все вокруг точат ножи. Удар придёт оттуда, откуда меньше всего ждёшь.

Сол не святой. Не герой. Он просто русский десантник, которого никак не добьют. Сегодня он решает, остаться ли ему человеком или стать железом. Завтра необходимо спасти свою команду, когда мир вокруг хочет их сломать. А послезавтра — выбрать, кому довериться в имперской свалке, где чужая корона может стоять твоей головы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-189298-2

© Алекс Гор, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

АДАПТАЦИЯ

«Выживает не самый сильный из видов и не самый умный, а тот, кто лучше других реагирует на изменения».

*Джордж Бернард Шоу,
драматург*

Пролог

Планета Дагор. Территория интерната «Стремление»

Молодой дагорианин сидел на еще теплой от дневного зноя земле, прислонившись спиной к дереву, и с тоской смотрел в ночное небо, разглядывая бесчисленное множество маленьких звёзд, поблёскивавших в вышине. У него не было имени, был только порядковый номер. Своё имя он должен получить завтра, и завтра же ему подпилят зубы ритуальным камнем, первый раз в его жизни.

Семьдесят третий, именно таким по счёту он вылутился из общей кладки в центре Обновления жизни, это число и стало ему заменителем имени. По сравнению с другими дагорианами он выглядел невзрачно, оттого частенько подвергался насмешкам со стороны сверстников. Природа сыграла с ним злую шутку, сделав его немного непохожим на других представителей его расы. У него были не столь явно выраженные надбровные дуги, отсутствовали роговые шипы на них, был несколько более выступающий нос и невыразительные скулы. Во всём остальном он выглядел как средний дагорианин.

К своим пятнадцати циклам Семьдесят третий довольно неплохо развился физически, но всё равно чувствовал себя изгоем. Он, как и все, ходил на занятия в школу при интернате и регулярно посещал еженедельные проповеди в Церкви Вознесения. Слушал то, что ему там рассказывали, но в глубине души ему не нравилось то, что он слышал. Проповедники регулярно расска-

зывали прихожанам о том, как этот просвещённый культ пришёл на Дагор, как спас от тупикового вектора развития цивилизации, как он ведёт жителей планеты к просветлению и вознесению на высшую степень бытия — энергетическую форму жизни.

Более четырехсот циклов назад эта идея пришла на развивающуюся быстрыми темпами планету, технологический уровень которой совсем недавно перевалил за показатели «Техно-1». Соплеменники семьдесят третьего начали строить космические корабли, вышли в космос, познакомились с ближайшими соседями и вступили в Содружество независимых миров. Развитие бурно шло по всем направлениям, процветали научные исследования. Легендарный Корпус рейнджеров Дагора исследовал дальние закоулки космоса в поисках всего необычного.

Всё это рухнуло в один миг. Буквально в течение нескольких циклов пришедшие неведомо откуда идеи Церкви Вознесения проникли в разум единого правительства планеты, и процесс развития был повернут вспять.

Догматы Церкви гласили, что единственный способ достигнуть вознесения — это отказ от технологических костылей и развитие духовной составляющей личности. Предлагались массы методик, которые должны были в скором времени превратить расу, проживающую на Дагоре, в высших существ, наравне с легендарными древними. Нейросети стали чем-то непристойным, от них старались избавиться в угоду проповедникам.

С тех пор не стало ни гражданского, ни космического флотов, все корабли были отправлены на одну из планет этой звездной системы, которая превратилась в технологическую свалку. Туда же свезли большую часть технологических устройств, и нация Дагора вернулась к уровню развития общества «Техно-0». Они отказались от членства в Содруестве независимых миров. А так как они потеряли возможность выхода в космос, это откатило их к статусу отсталого дикого мира. После этого посещение планеты Дагор было запрещено во всём Содруестве.

С тех пор каждый житель некогда цветущего и процветающего Дагора старался вознестись, истязая себя бесчисленными духовными практиками, медитациями и размышлениями о высоком. Иногда даже случались редкие случаи вознесения.

По крайней мере, именно так вещали проповедники со своих трибун. Эти наполненные пафосом рассказы только усиливали желание остальных попасть в число просветленных счастливых.

Однако не все сразу согласились с новым порядком вещей. Многие не приняли его и попытались воспротивиться, но случилось то, чего они не ожидали. Оболваненные пропагандой соплеменники во главе с функционерами Церкви объявили их врагами Дагора. Принцип непротивления злу для них был временно аннулирован, и практически все они оказались в концентрационных лагерях, где в конечном итоге и закончили свою жизнь.

С инакомыслием было покончено, и дагориане поспешили дальше к возвышению. Конечно, историю Церкви в интернате преподавали совсем не так, в ней звучали совсем другие формулировки, но Семьдесят третий имел пытливый ум и однажды познакомился с весьма пожилым бродячим философом, как он себя называл. Поговорив с парнем, тот изменил стиль своего общения и многое поведал ему из того, о чем все остальные молчали.

Насколько знал Семьдесят третий, раньше, до прихода Церкви к власти, каждый дагорианин сам решал, подпиливать свои зубы и жить мирным трудом или оставить те, что дала ему природа и судьба, и пойти по пути воина или рейнджера. О былых временах остались лишь воспоминания стариков да редкие крохи информации, передающейся шепотом из уст в уста, да и ту чрезвычайно редко удавалось добыть. Большая её часть всячески вымарывалась и искажалась. Поблёкли в народе рассказы о былой силе военного флота, о подвигах великих рейнджеров прошлого. Всё поблёкло в мире Дагора.

Семьдесят третий с самого своего рождения чувствовал себя не таким, как все. Он смотрел на звёзды, и они настойчиво манили его. Паренек представлял, как отважно бороздит космическое пространство на борту собственного боевого корабля, как исследует неведомые миры и изучает новые планеты, но всему этому не суждено было сбыться. Завтра ему дадут имя, и он будет вынужден спилить свои зубы, только вот вряд ли это отведит его от созерцания звёзд.

Семьдесят третий уже знал, что его распределили для будущей работы на ферму, где он будет без устали выращивать барагосы — основной продукт, который повседневно употребляли в пищу почти все дагориане. Раньше этот овощ использовали в основном для производства пищевых картриджей наряду с другими пищевыми культурами, но то время также осталось позади.

В глубине души Семьдесят третий был бы рад оказаться в числе тех, кого ежегодно забирают окруженные ореолом тайны пришельцы. Каждый цикл на планету прилетает корабль, и Церковь Вознесения устраивает лотерею. Она отбирает двести дагориан, и они улетают навсегда. Что с ними происходит потом, никто не знает, но проповедники говорят, что это один из самых быстрых путей к вознесению.

Хотел к ним попасть и мечтательный паренек, ведь, возможно, это его единственный путь к звёздам. Задумавшись, молодой дагорианин чуть было не пропустил время покоечной проверки в интернате. Встрепенувшись, он встал с земли, отряхнул ниспадающий до пят коричневый балахон из простой ткани, символизирующий покорность и смирение, а затем поспешил в сторону спального корпуса.

Большая часть воспитанников уже давно спала, парень это прекрасно знал, дисциплина среди воспитанников присутствовала серьезная. Он тихонько приоткрыл дверь и юрким нарсаном проскользнул внутрь, чтобы в следующую же секунду растянуться на полу от подставленной кем-то, скрывающимся во тьме, подножки.

— Кто здесь? — вскрикнул он, больно ударившись руками об каменный пол.

— Что, уродец, опять на свои звёзды засмотрелся? — прошипел над ухом до боли знакомый голос Двадцать четвертого. — Таким ущербным, как ты, никогда не достичь просветления и вознесения!

Этот самый крупный воспитанник интерната регулярно издевался над непохожим на других парнем. Он был сильнее всех остальных, но отличался исключительно мерзким характером, однако ему как-то удавалось совершать свои пакости именно тогда, когда этого не видели воспитатели и наставники.

— Надеюсь, ты вознесёшься! — прошипел Семьдесят третий, поднимаясь на ноги.

Он со злостью в глазах посмотрел в сторону возвышающегося на полголовы над ним дагорианина, и ему в который раз отчаянно захотелось врезать со всей силы в эту нахальную морду, сломать несколько роговых шипов на надбровных дугах, которых у него самого не было. Однако он прекрасно знал, что за этим последует. Он был слабее, а значит, ему опять придётся врать наставникам о том, что он упал по неосторожности. Нет, он не доставит этому негодяю такого удовольствия. Оскалившись, Семьдесят третий не сказал ни слова и молча направился к своей кровати, стоящей в самом дальнем углу.

— Иди, иди, уродец, поспи последний день как следует, потом кроме барагосов ничего не увидишь, — раздалось ему вслед.

Невесёлое настроение было окончательно испорчено, парень добрёл до своей кровати и аккуратно лёг на неё, чтобы не будить сверстников. Он уставился в тёмный потолок общей комнаты казарменного типа, рассчитанной на двадцать воспитанников, а затем попытался унять учатившееся сердцебиение и вспыхнувшую в нём ярость. Причём злился он больше на себя, чем на этого наглого урода.

Он в очередной раз смолчал, стерпел. Ему это ужасно надоеало, но деваться было некуда. У Церкви Вознесения были свои собственные методы борьбы с инакомыслящими. Об этом Семьдесят третий узнал не так давно от одного из тех, кто пережил подобное. Ему не стали рассказывать слишком много, но он был достаточно умным пареньком, чтобы понять главное: попадать туда явно не стоило.

Попытавшись успокоиться, Семьдесят третий начал читать заученную на многократных тренировках мантру очищения разума, постепенно вводя себя в расслабленное состояние. Пожалуй, это единственное, что позволяло ему в такие моменты обуздать собственные агрессивные порывы.

Сердце медленно успокаивалось, желание выгрызть кусок горла у Двадцать четвертого отходило на задний план, и глаза начали медленно закрываться. Постепенно звуки от спящих по соседству соплеменников из одной с ним кладки отдалились на

задний план, и парень провалился в глубокий сон. Последний сон в стенах интерната.

Борт корабля «Пламя Дагора»

— Шир, может быть, его нужно засунуть в медкапсулу? — спросил Румб, напряженно рассматривая спину товарища.

— Это старье нам ничем не поможет, а его показатели относительно стабильны, — отмахнулся погруженный в изучение отчета сибурианец.

— Мы скоро выйдем из прыжка. Что нам делать? Корабль без Сола не будет нас слушаться.

— Знаю, будем решать проблемы, исходя из обстановки.

— Дерьмовая у нас обстановка, — заметил бывший заключенный станции «Возмездие-14».

— Согласен. Надеюсь, что у дагориан смогут ему помочь, — согласился Лакин.

— Ты хоть приблизительно смог понять, что это за штука? — поинтересовался немолодой бывший контрабандист, пытаясь заглянуть в показания на экране.

— Нет. Ничего подобного я не встречал. Оно явно технологическое, но ведет себя, словно живое. Реагирует на физическое и энергетическое воздействие. Причем мне непонятно, что оно вообще делает. Вот смотри, — он показал на голоэкранный дисплей, на котором отображалась часть позвоночника Джона, — его нити прорастают прямо сквозь спинной мозг. Причем очень быстро. Если так пойдет дальше, оно скоро проникнет в его мозг.

— Так, может быть, надо ее повредить или уничтожить?

— Любое воздействие на объект влечет за собой ухудшение состояния пациента. Я пробовал, — невесело сообщил сибурианец.

— Откуда вообще взялась эта дрянь? — не унимался Румб.

— Всё просто. Погибший рейнджер нашел нечто в своем рейде. Угол это решил украсть, причем, насколько я понял, он носил эту штуку некоторое время и ничего не происходило. А вот когда это оказалось рядом с Джоном, оно активировалось.

— Как ты думаешь, эта штука осталась от древних?

— Я не знаю. Дагорианин уничтожил все свои записи кроме тех, что были у него на нейросети, но они потеряны после его гибели.

— А если проверить еще раз хранилище, которое вскрыл Зиц? Вот говорил я, что надо было его прикончить еще там, на «Последнем приюте».

— А ты уверен, что там нет еще ничего подобного? — с усмешкой спросил Шир.

— Отправим туда улгола, на него оно не отреагировало в прошлый раз, — выдвинул идею мужчина.

— Он сказал, что там только одна такая штука была.

— А вдруг там есть какие-нибудь записи?

— Это возможно. Без меня туда не лезьте. Освобожусь, вместе проверим, — согласился Лакин.

— Хорошо, Шир, как скажешь, — отозвался Румб и направился к выходу из отсека.

— Офицер Шир, — прозвучал в динамиках голос искина, — прошу пройти вас на мостик.

Сибурианец, изучавший данные медицинского сканера, удивлённо поинтересовался:

— С каких это пор я стал офицером?

— Насколько я понимаю, командир Сол отмечал всего четырёх членов экипажа в особом порядке, вас, Румба и Сергея, ну и улгола по имени Зиц. Так как вы находились постоянно в рубке корабля, я могу считать, что вы наиболее доверенное лицо.

— Чего тебе надо? — не очень дружелюбно поинтересовался Лакин. — Ты что, не видишь, что я занят?

— Офицер Шир, через пятнадцать минут корабль выйдет из гиперпрыжка в назначенной точке, ваше присутствие на мостике необходимо.

— То есть ты что, будешь выполнять мои приказы? — удивился Стакс.

— Таков протокол при выходе из гиперпрыжка, необходимо присутствие разумного в рубке корабля. Это стандартное требование для принятия необходимых решений при возникновении опасности, — пояснил искин.

— Да знаю я всё это, знаю, не учи учёного. Сейчас подойду, на всякий случай присмотри здесь за Солом.

— Я и так непрерывно присматриваю за командиром и, к сожалению, отмечаю отрицательную динамику его состояния.

— Я и сам это вижу. Ладно, будь внимательнее, — сказал Стакс и направился к выходу из медицинского отсека.

Через семь минут он уже усаживался в командирское кресло, профессиональный взгляд пилота пробежался по пульту управления и экранам с выведенной на них информацией. Основные показатели корабля находились в норме, таймер отсчёта выхода из прыжка показывал последние минуты, и Лакин приготовился.

— Искин, дай связь по кораблю.

— Выполнено, связь активирована.

— Внимание всем, говорит Шир. Через пару минут выйдим из гиперра. Мы не знаем, что там происходит, поэтому всем советую добраться до своих скафандров и быть наготове. Если что, сразу сообщу.

Последние минуты тянулись на удивление долго. Обычно сибурианец чувствовал себя спокойно при пилотировании кораблей, только вот практически всегда он совершал свои путешествия в одиночку, его работа не предполагала публичности. Никто не знал, как он выглядит, а те, кто по каким-либо причинам узнавал, надолго не задерживались на этом свете.

— Выход из гиперпрыжка через три... две... одну... Выход, — сухо доложил искин.

Обзорные экраны в рубке мигнули, и картинка окружающего пространства, поступающая с видеосенсоров, изменилась, вместо радужного защитного пузыря показалась бездонная чернота космоса.

— Выход из гиперпространства произведён штатно, — доложил искин. — Разрешите активировать радары дальнего радиуса действия?

— Разрешаю, — согласился сибурианец. — Кстати, искин, как у тебя с идентификатором?

— «Пламя Дагора» оборудован стандартным уникальным личным идентификатором согласно Положению о космоплавании Содружества Независимых Миров. Идентификатор активирован согласно протоколу.

— Хорошо, выведи данные с радаров на экран и просканируй все возможные радиочастоты.

— Выполнено, офицер Шир. Странно, радиоперехват не дал никаких результатов, в системе не ведётся никаких переговоров, нас никто не вызывает.

— А вот это уже действительно странно, — пробормотал сибурианец. — Данные по планетам совпадают?

— Гелиоцентрические орбиты планет совпадают с теми, что имеются в моей памяти, — подтвердил искин.

— Какая из этих планет Дагор? — кивнул Лакин на карту системы.

— Дагор — третья от звезды планета, — пояснил искин и в подтверждение своих слов подсветил цель красным цветом.

— Они пятьсот циклов назад уже строили космические корабли, так почему они молчат?

— Я могу предположить массу возможных вариантов.

— Ты лучше щиты активируй и давай связь по кораблю.

— Внимание всем, надеть скафандры и быть в готовности к переходу на замкнутый режим дыхания, — скомандовал Стакс.

Выключив связь, Лакин задумался. Что-то надо было делать, но вот что конкретно? Довольно странно, что вообще нет никаких признаков цивилизации. Любая обжитая система фонит на всех частотах, а тут тишина. Очень подозрительная тишина.

— Искин, проверь все возможные способы передачи данных, все протоколы, от рейнджерских и военных до гражданских.

— Регистрирую стандартный сигнал гипермаяка. Произвожу расшифровку. Офицер, это стандартный код Содружества, предписывающий запрет на посещение Дагора в связи с потерей планетой статуса «Техно-1».

— И как это может быть? — удивился сибурианец.

— У меня нет ответа на этот вопрос, — признался искин.

— Офицер Шир, получаю данные с шестой по счету от звезды планеты, регистрирую наличие большого количества металлов.

— Давай к ней поближе, посмотрим, что там такое, — решил Стакс.

Через два часа рейдер оказался на орбите довольно крупной планеты, он завис на удалении в семьсот километров от поверхности и начал производить сканирование. В принципе оно и не требовалось, оптические сенсоры сразу же показали,